

Искусствоведение и культурология

УДК 783(470.5)+94(470.5)
ББК Ч611.3+Т3(2Р36)-7+Щ313(2)

Н. П. Парфентьев

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЦЕРКОВНО-ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЫ: «ПЕВЦЫ» И «ХАЛДЕИ» В ЧИНЕ АРХИЕРЕЙСКОГО ПОСТАВЛЕНИЯ XV—XVII ВВ.

N. P. Parfentiev

FROM THE HISTORY OF THE OLD RUSSIAN CANONICAL AND RITUAL CULTURE: “THE CHANTERS” AND “THE CHALDEANS” IN THE RITE OF PONTIFICAL ORDINATION IN THE 15TH — 17TH CENTURIES*

Прослеживается эволюция в условиях Московской Руси одного из важнейших церковных обрядов — Чина архиерейского поставления, пересматривается ряд ошибочных представлений, связанных с ним и получивших распространение в отечественной научной литературе.

Ключевые слова: древнерусская церковно-обрядовая культура, Чин архиерейского поставления, Чин «Пещного действия», деятельность певчих дьяков.

Evolution of one of the most essential church ceremonies, that is the Rite of pontifical ordination in the age of Moscow Russ, is viewed, there is also the review of the number of wrong ideas, connected with it and spread in the national scientific literature.

Keywords: Old Russian canonical and ritual culture, the Rite of pontifical ordination, the Rite of “Fiery Furnace Act”, the activity of singing “diaks” (chanters).

Публикуя найденный в одном из рукописных сборников фрагмент списка расходной книги архиепископа Ростовского Тихона за 1489 г., А. А. Турилов в небольшом предисловии дал краткий анализ его информационной ценности как исторического источника. Расходы были связаны с поставлением в Москве Тихона на архиерейский престол, и основная часть их пришлась на подарки («поминки»), в том числе в виде денежных пожалований, широкому кругу духовных и светских лиц. Среди прочих сведений, которые содержит документ, автор публикации отметил уникальные данные по истории культуры: «первое из известных упоминаний “халдеев” (при этом в Москве, а не в Новгороде) с указанием размера платы этим своеобразным средневековым артистам», а также наиболее раннее «упоминание “певчих дьяков” (не вполне понятно лишь — только ли великокняжеских или же и митрополичьих), при этом двух “станец” — “больших певцов” и “меньших дьяков”»¹.

Попытаемся выяснить, какие певчие и что за «халдеи» принимали участие в Чине архиерейского поставления? Чтобы ответить на эти вопросы необ-

ходимо обратиться не только к спискам самого Чина, устанавливающего порядок совершения обряда, но и к документальным свидетельствам о том, как этот обряд совершался, кто принимал в нем участие и как именовался.

Известно, что на Руси певцы великокняжеского (государева) и митрополичьего хоров были самыми высокопрофессиональными мастерами церковно-певческого искусства. Появление этих хоров, являвшихся на протяжении многих веков главными хорами Российского государства, восходит к временам глубокой древности. Установить точное время их возникновения вряд ли когда-либо удастся. Возможно, при дворе московских великих князей хор был образован в связи с осознанием самими князьями себя как государей всех русских земель, с созданием собственно великокняжеского двора, установлением придворного церемониала, возведением придворных храмов. Все это указывает, скорее всего, на первую треть XIV в.² Митрополичий же хор, несомненно, был образован значительно раньше. Трудно представить себе, чтобы митрополичье богослужение в Древней Руси осуществлялось без церковного пения. Видимо, сразу с образованием митрополии и митрополичьего двора здесь был создан и хор.

Певчие обоих хоров занимали высокое положение в придворной службе. Все государевы великокняжеские певцы получали чин дьяка, но в соответствии с природными данными, талантом и

* N. P. Parfentiev and N. V. Parfentieva express regret at the mistakes made in the texts in English for their joint article published in the previous edition. By translating these texts, the authors have no relationship (Н. П. Парфентьев и Н. В. Парфентьева выражают сожаление в связи с ошибками, допущенными в текстах на английском языке к их совместной статье, опубликованной в предыдущем выпуске журнала. К переводу этих текстов авторы не имеют никакого отношения).

умением они распределялись по *станциям* (обычно из 5 человек). От станции, и даже от места в станции, зависели величина окладов и пожалований певцу, круг его профессиональных обязанностей. В митрополичьем хоре чин дьяка получали только певчие двух первых станиц, остальные певцы служили в чине подьяков. Наиболее подробные сведения обо всем этом известны нам по документам XVI—XVII вв.³

Опубликованный А.А. Туриловым источник действительно дает нам самое раннее документальное упоминание о певчих дьяках и о станичной организации хоров. Ученый отмечает, что «не вполне понятно», идет ли здесь речь только о «великокняжеских или же и митрополичьих» певцах. Однако, на наш взгляд, документ довольно отчетливо показывает, что в обряде участвовали певчие дьяки обоих хоров.

Вот первое упоминание о певцах: «Диаком певчим на обе станицы [дано] 3 рубли». Ясно, что здесь говорится о митрополичьих певчих. Во-первых, указание о выдаче денежного пожалования «на обе станицы» ограничивает общее число дьяков этими станицами (т.е. их *всего две* станицы). Подобную организацию из рассматриваемых нами имел митрополичий хор, в великокняжеском же хоре певчих дьяков было более двух станиц. Во-вторых, о том же свидетельствует и окружение, в котором упомянуты певчие. Это чины митрополичьего двора, предста-

вители духовенства, церковнослужители — прежде всего те, кто, в соответствии с Чином архиерейского поставления, принимал участие в обряде, выполняя ту или иную роль. Сразу за певчими дьяками идут «келейники», затем следуют: повара, хлебники, «халдеи», «благовестники» (митрополичий ризничий, протопоп и ключарь Успенского собора), а также митрополичьи боярин, казначей, конюший и дворецкий, четверо местных владык и «взводщик митрополич» (который «взведет архиепископа на место»)⁴. Таким образом, мы полагаем, что первыми в документе названы дьяки митрополичьего хора.

В самом конце документа (здесь он обрывается) помещена еще одна запись о певчих дьяках: «А великого князя дьяком большим певцем — рубль. А меньшим дьяком певцем — полтина»⁵. В данном случае четко обозначена принадлежность певчих великокняжескому хору. Но что означает именование их «большими» и «меньшими»? В наиболее близких по времени документах конца XVI — начала XVII вв. первые две станицы дьяков государева хора часто именуется «большими»; иногда лишь первая станица называется «большой», а вторая — «другой». В «меньшие» станицы (например, в 1580-е гг. их было две) входили певчие дьяки, только начинавшие свою карьеру⁶. Следовательно, в великокняжеском хоре «большими» дьяками могли называть певчих 1-й и 2-й станиц, а «меньшими» — молодых певчих.



Торжественный выход московского великого князя Ивана III с семейством в окружении духовных и светских лиц. (Внизу, по обе стороны от иконы — станицы певчих дьяков). «Пелена Елены Волошанки». 1498 г. Фрагмент.

Привлекает внимание то, что «великого князя дьяком большим певцем» (вне зависимости от количества их станиц — одной или двум) была пожалована сумма гораздо меньшая (1 руб.), чем митрополиты (3 руб.). Вероятнее всего, это объясняется степенью участия певчих в обряде. Обратимся к источникам.

О порядке совершения Чина архиерейского поставления в XV в. мы можем судить по его спискам 1423 и 1456 гг.⁷ Если в целом обряд предстает развитым и структурно сложившимся, то отдельные его детали, видимо, находились еще в стадии становления. Что касается певчих, то в Чине не встречается указаний, какие из них вступают в действие и исполняют требуемые песнопения. В памятнике имеются лишь самые общие упоминания «певцы поют» (Многолетие, «Исполаете деспота», «стих некий»). Какие певчие и что должны были исполнить, очевидно, решалось по ходу обряда.

В списках Чина более позднего времени на этот счет можно встретить более точные указания. Так, в Чине поставления митрополита 1564 г. отмечено, что «митрополити дьяки поют на оба крылоса по обычаю»⁸. В Чине поставления епископа 1645 г. наряду с общими именованьями «певцы» и «певчие» упоминаются «певчие дьяки» и «подьяки», то есть певчие патриаршего (бывшего митрополитского) хора, и лишь один раз указывается, что «государевы певчие» поют Многолетие патриарху и новопоставленному архиерею⁹. Как следует из списков Чина XVI и XVII вв., основная певческая роль в действе возлагалась на певчих митрополитского (патриаршего) хора. Государевы великокняжеские певчие дьяки имели ограниченное участие в обряде. Это зависело и от степени поставляемого архиерея — епископа, архиепископа или митрополита.

Скорее всего, сам Чин и не должен был содержать подробных указаний, «певцам» какого хора следовало исполнять то или иное песнопение (что мы и находим в списках XV в.). Появление в поздних рукописях Чина упоминаний о митрополитских (патриарших) и великокняжеских певчих дьяках, скорее всего, перешло из соборных Чиновников, содержащих подробнейшие описания порядка совершения конкретно проведенных обрядов. Так, в Чине поставления митрополита Иоасафа 6—9 февраля 1539 г. указано, что в ходе обряда в Успенском соборе на вход великого князя Ивана Васильевича «дьяки поют ему, государю, многолетия». Далее приводятся более точные сведения. После совершения Литургии «великого князя дьяки поют многолетия по обычаю», а «митрополити дьяки, обе станицы, поют преосвященному Иоасафу, митрополиту всея Руси: Исполаети деспота». Когда новопоставленный митрополит «восходит на ося» и едет на великокняжеский двор, то перед ним «идут великого князя дьяки певчие и митрополити, а поют стихи»; во время возвращения также «обой дьяки стихи ж, перед ним идучи, поют». То же повторяется после «стола», когда митрополит поедет «на осяти» благословлять «народ и весь град»¹⁰. Как видим, в данном случае и государевы и митрополитские певчие в равной степени участвовали в совершении обряда.

Однако так было не всегда. В описании Чина поставления первого патриарха всея Руси Иова 26—28 января 1589 г. главная роль, судя по всему, отводится певчим патриаршего хора. Правда, описание обряда сохранилось не полностью, нет его начальной, соборной части. Можно полагать, что в соборе государевы певчие дьяки исполняли многолетия царю Федору Ивановичу и новопоставленному патриарху. К совершению же внесоборной части обряда эти певцы не были привлечены. Так, когда патриарх предпринял выезд «на осяти» к государю, «пели его дьяки певчие стихи избранные». Во время посещения Иова в его палатах патриархом Константинопольским Иеремией 27 января большая (1-я) станица патриаршего хора во главе с Иваном Макарьевым исполнила Многолетие государю, другая (2-я) станица во главе с Первым Федоровым — патриарху Иеремие, вновь большая станица — «новопоставленному Иеву, патриарху Московскому и всея Руси». Затем во время «стола» в патриаршей Большой палате велено было славники в честь Богородицы петь тем же станицам певчих дьяков, а также «дьяком певчим Еремеевым патриарховым, Дмитрею с товарищи, по-гречески», певчим дьякам новопоставленного митрополита Новгородского Александра и «подьяком всем по чину». В особом Чине заздравной чаши, совершаемом после застолья обе станицы патриарших певчих дьяков пели славники Богородице и святителю Петру, а также «стихи» и многолетия царю («большое»), царице, патриарху всея Руси и Константинопольскому патриарху. Во время совершения 28 января выезда Иова «на осяти», когда патриарх «прообразовал Христа» около «Нового Царя града», снова сопровождающие его патриаршие «дьяки певчие и подьяки около градов пели стихи»¹¹.

Итак, в сохранившейся части (внесоборной) описания обряда поставления патриарха Иова государевы певчие дьяки не упоминаются совсем. Напротив, от «Чина наречению и поставлению» патриарха Филарета 22—24 июня 1619 г. сохранилось описание соборного действия. Здесь ведущая роль отводится патриаршим певчим. В Чине они именуется просто «певцами»: «а певцы пели: Исполаети деспота, сиречь: Много лет ти владыко» и т.п. «Царевы певцы» упоминаются лишь в связи с исполнением (после Литургии и произнесенных царем и новопоставленным патриархом речей) Многолетия патриарху Иерусалимскому Феофану, участвующему в обряде, и самому новому патриарху всея Руси (царю Многолетие исполнялось всеми присутствующими)¹².

Со всем не упоминается о пении государевых певчих в описании обряда поставления патриарха Иоакима 23—27 июля 1674 г., составленном патриаршим певчим дьяком Федором Константиновым, который в своем Чиновнике уделял особое внимание всему, что было связано с исполнением «певческого дела». В соборе и вне храма своим пением обряд сопровождали «певчие дьяки патриарховы и подьяки». Эти же певцы пели и Многолетие при входе царя в собор и в иных случаях. Иногда «по ним пели по-станично новгородские певчие дьяки и подьяки»¹³. Не упоминает Федор Константинов о государевых

певчих и в своих описаниях совершенных в том же году поставлений: митрополита Новгородского (1 августа), митрополита Рязанского (7 августа), епископа Вятского (21 августа)¹⁴.

Интересно, что в Чине поставления архиерея «на вдовствующий кии архиерейский престол», составленном «с древнего греческого Чина и славянского», что «обретается в древней книге» в Успенском соборе, и утвержденном в августе 1676 г. самим патриархом Иоакимом, «диаки певчие патриарши» упоминаются дважды: в указании о том, что они до совершения поставления претендента «в дом его не провожают», и затем как сопровождающие с пением новонареченного в храм¹⁵. В остальных случаях указывается только, что «певцы» совершают то или иное действие и «поют» то или иное песнопение¹⁶. По всей вероятности, общее именование в Чине «певцы» и давало возможность на практике включать в совершение обряда государевых певчих дьяков и даже певчих лучших архиерейских хоров, например, митрополита Новгородского.

Итак, анализ разновременных списков Чина архиерейского поставления и документальных описаний его совершения на практике показывает, что в обряде, как правило, участвовали певчие обоих главных хоров древней России — великокняжеского (государева, царского) и митрополичьего (патриаршего). Степень этого участия была различной. Наибольшая роль отводилась митрополичьим певчим. Государевы певчие дьяки привлекались чаще всего для исполнения отдельных песнопений (главным образом многолетий), но иногда в полной мере выполняли певческие обязанности и необходимые действия наряду с митрополичьими. Однако общая тенденция развивалась в сторону сокращения их участия в обряде. Углубление дифференциации в русской обрядовой культуре все более вело к осознанию церковных обрядов делом церкви. Поэтому ограниченное участие великокняжеских певчих в Чине в XV—XVI вв. постепенно сменяется почти полным их отстранением от проведения этого обряда, что особенно заметно с наступлением патриаршего периода¹⁷. Таким образом, рассмотренные материалы подтверждают наш вывод о том, что в расходной книге архиепископа Ростовского Тихона за 1489 г. нашло отражение участие в чине его поставления как великокняжеских, так и митрополичьих певчих дьяков, разница же в суммах пожалованных певцам денег объясняется различной степенью их участия в обряде.

Что касается упомянутых среди награжденных архиепископом Тихоном «халдеев», то здесь при кажущемся прямою свидетельстве источника об участии «этих своеобразных средневековых артистов», «персонажей Пещного действия», в Чине архиерейского поставления все далеко не так просто.

А. А. Турилов пишет: «известно, что «халдеи», помимо того, что они являлись персонажами Пещного действия, были непременно участниками чина епископского поставления, хотя их функции в этой церемонии остаются не вполне ясными». Автор отмечает, что до публикации им расходной книги архиепископа Тихона 1489 г. «самое раннее их участие в этом чине было известно в связи с постав-

лением в 1539 г. митрополита Иоасафа», ссылаясь при этом на один из научных трудов¹⁸. Но заметим, что в самом описании поставления Иоасафа слово «халдеи» не встречается¹⁹.

В указанном же А. А. Туриловым труде Н. В. Поньрко, опираясь на утверждение посетившего Россию в середине XVII в. Павла Алеппского о том, что сопровождающих новопоставленного архиерея «четыре человек» в красных суконных кафтанах и высоких красных шапках «называют халдеями», делает заключение, что эти люди, роль которых в Чине подробно расписана и которые в 1539 г. именовались «огненниками», и «халдеи» — «одно и то же». Далее говорится: «Как и у “халдеев” Пещного действия, одежда “огненников” была красного цвета. Каков символический смысл участия “халдеев” в чине епископского поставления, пока не вполне ясно». Кроме того, Н. В. Поньрко утверждает, что «Пещное действие» — «зрелище, шагнувшее в уличное празднество ... благодаря “халдеям”, принадлежавшим на протяжении святочного периода одновременно и храму и улице». Дело в том, что якобы пещные халдеи «бегали по улицам в своем шутовском наряде с потешным огнем в руках, поджигая встречные возы сена, бороды прохожих. Это были святочные ряженые». Данный вывод автора основывается на сообщениях побывавших в России иноземцев Джильса Флетчера (конец XVI в.) и Адама Олеария (XVII в.)²⁰.

Как видим, халдеям, обязательным персонажам литургического «Пещного действия», приписывается участие и в одном из важнейших церковных обрядов — Чине архиерейского поставления, и в одном из самых разгульных народно-языческих празднеств — «святочных игрищах». Однако обратимся к



Три отрока в печи огненной.
Икона. Новгород. XV в.

исходному пункту появления халдеев — «Пещному действу». Это чинопоследование с развитыми театральными элементами давно привлекает внимание исследователей. Оно само, порядок его организации и проведения обстоятельно исследованы²¹.

Напомним, что основанием для «Пещного действия» послужил ветхозаветный сюжет о трех еврейских отроках, отказавшихся поклониться вавилонскому идолу. Разгневанный царь Навуходоносор повелел бросить их в раскаленную печь, но произошло чудо — отроки остались невредимыми. Традиционное богословское толкование сюжета об их спасении насыщено прообразовательным смыслом: как отроки обновились через печь, так и весь мир обновился через Деву, зачавшую Господа, не опалившись «утробою»²². Поэтому празднование дня трех отроков обычно происходило за неделю до Рождества Христова (17 декабря) и включалось в рождественский праздничный цикл²³. Действо было частью богослужения утрени и совершалось в соборе при митрополите или архиепископе (в Москве с введением патриаршества — при патриархе)²⁴.

Наиболее ранние прямые документальные сведения об исполнении обряда в России сохранились в расходных книгах новгородского Софийского дома за 1548 г. В записи от 12 декабря говорится, что «дано халдеем Новуку да Кирше на сапоги да на рукавицы восемь алтын», а 24 декабря, «в навечерие Рождества Христова, приходили к архиепископу Христа славить софийский протопоп с братиею и дьяки певчие и подьяки; и архиепископ велел дати протопопу с братиею на собор полтину... халдеем *двема* дано гривна»²⁵. Однако, по мнению Н. Красносельцева, нашедшего новгородский список обряда с включенным в него Многолетием московскому великому князю Василию Ивановичу (1505—1533), в новгородском Софийском соборе чин «Пещного действия» исполнялся уже в начале XVI в.²⁶ Возможность появления обряда в России в более раннее время предполагали и другие исследователи. А. Дмитриевский считал, что косвенные данные указывают на то, что уже в XII и XIV вв. чин «Пещного действия» был хорошо известен на Руси²⁷. Е. Голубинский также полагал, что этот обряд на Руси знали в уже в XII в.²⁸

Совершение чина требовало немалых материальных затрат, подбора людей для исполнения ролей отроков и халдеев, их подготовки, изготовления необходимых костюмов и реквизита. Главными действующими лицами действия выступали отроки²⁹. Другими действующими лицами в обряде были халдеи. В источниках нет прямого указания на то, кто исполнял их роль. Очевидно, чаще всего это были мелкие служащие патриарших приказов. В расходных книгах патриаршего Казенного приказа за 1626—1633 гг. упоминается «казенный сторож» Савва Васильев, ежегодно исполнявший роль одного из халдеев и получавший деньги на сапоги и рукавицы, у него же иногда покупалась трава «плаун» для действия. Интересно, что роль второго халдея исполняли разные люди (Якуня, Милюта Евсеев, Харка Онцифоров, Олешка Григорьев)³⁰.

Участники действия были одеты в особое платье. Одеждой отроков являлись стихари и отроческие

шапки — «венцы». Для халдеев шились «юпы», или «юпки», из «красного сукна ледчины» и особые халдейские шапки («шоломы», «турики»). К шапкам покупался мех: «горностаи взяты к отроческим шапкам, и заячины взяты к халдейским шапкам». Кроме того, халдеи были подпоясаны поясами из крашенной кожи. Одним из основных атрибутов халдеев были специальные железные трубки, набитые порошком из плаун-травы, который легко воспламенялся и производил эффект сильного пламени. Во время исполнения обряда халдеи ходили вокруг печи с помещенными туда отроками, «орошали» печь выдуваемой из трубок и одновременно поджигаемой травой («метали травую на печь и под печь»). Когда сверху над пещью опускали изображение ангела, халдеи поднимали вверх ветви пальмы³¹.

За время существования «Пещного действия» в Русской церкви в нем появлялись новые элементы. Так, получил развитие диалог, произносимый халдеями. В нем преобладала русская бытовая речь, не свойственная высокому церковному стилю, например:

1-й халдей: *Анание, гряди вон ис пещи.*

2-й халдей: *Чего стал, поворачивайся, не имет вас ни огонь, ни полымя, ни смола, на сера.*

1-й халдей: *Мы чаяли вас сожегли, а мы сами сгорели.*

Гряди, сын царев...³²

Следует особо отметить, что по окончании действия некоторое время и отроки, и халдеи продолжали исполнять свои роли. По Чиновнику новгородского Софийского собора 20—30-х гг. XVII в. с завершением действия после утрени отроки, халдеи и подьяки сначала провожали архиерея «в келью». Затем «на учителя, и на отроков, и на певчих дьяков обих ликов, и на подьяков и халдеев» устраивался стол и «всход на погреб» (угощение напитками). К обедне отроки и халдеи снова «облачались» и с учителем и подьяками провожали архиерея в храм. В церкви отроки стояли «против святителя», а халдеи «по сторонам отроков». Во время службы, когда архиерей шествовал в алтарь, отроки и халдеи шли перед ним, но халдеи оставались у царских дверей «с обою стран». Во время чтения Евангелия халдеи снимали с головы «турики». После службы, как и ранее, отроки, халдеи и подьяки снова провожали архиерея «в келью». Это совершалось применительно ко всем праздничным рождественским службам вплоть до 25 декабря включительно³³. После этого ни отроки, ни халдеи в описаниях Чиновников или документах *не упоминались*. Более поздние источники свидетельствуют, что почти так же все происходило и при патриархах в Москве³⁴.

Можно полагать, что по завершении празднования Рождества Христова с участников «Пещного действия» слагалось исполнение их ролей. Но тогда кто же «бегал по улицам в своем шутовском наряде с потешным огнем в руках»?

Первым об этом сообщил посол английской королевы Джильс Флетчер, нанесший в Россию непродолжительный визит в 1588—1589 гг. В своей книге он говорит о «Пещном действе»: «Каждый епископ в своей соборной церкви показывает трех

отроков, горящих в печи... при множестве пылающих огней, производимых посредством пороха так называемыми халдейцами, которые в продолжение всех двенадцати дней должны были бегать по городу, переодетые в шутовское платье и делая разные смешные штуки... В Москве царь и царица всегда бывают при этом торжестве, хотя всякий год повторяется одно и то же без всякого прибавления чего-нибудь нового»³⁵. Ясно, что всё это Флетчером написано либо с чьих то слов, либо по собственному измышлению. Как мы знаем из источников, далеко не «каждый епископ» имел право воспроизводить «Пещное действо» (в то время в Москве это был митрополит, а по всей остальной России — несколько архиепископов). Утверждение об использовании в действе пороха — явное свидетельство того, что посол не был очевидцем обряда. Он не знает, что действо было не театральной постановкой, а частью богослужения, поэтому критически оценивает ежегодное посещение «этого торжества» царем и царицей. Но что означает его сообщение, что «халдейцы» в течение 12 дней, то есть надо полагать с 25 декабря по 5 января (Богоявление, или Крещение, Господне), в период русских святок, бегали по городу, «делая разные смешные штуки»?

Во-первых, Флетчер говорит о времени, когда всё связанное с «Пещным действом» завершалось, и его участники прекращали исполнение своих ролей. Во-вторых, он сам оговаривается, что бегавшие были «переодеты в шутовское платье». Это очень важный момент. Если учесть, что накануне, до 25 декабря, вместе с другими пещными халдеи на виду у множества людей постоянно сопровождали архиерея, то появление после этой даты ряженых в похожем платье воспринималось многими как продолжение участия в праздничных событиях тех же самых халдеев. Кроме того, во время святочных игрищ, как известно, часто пародировались элементы церковной обрядности. Не исключено, что некоторые ряженые (видимо, скоморохи) специально одевались под пещных халдеев и выполняли, как и они, действия с огнем.

Подробнее об этих действиях говорит другой иноземный автор — Адам Олеарий, побывавший в Москве в середине 30-х гг. XVII в. В своем сочинении он уделит внимание «проходимцам», которые получали «от патриарха» разрешение в течение 8 дней перед Рождеством Христовым и вплоть до Крещения бегать по улицам с особым «фейерверком», поджигая бороды у мужиков. У одного (!) из них они сожгли воз сена³⁶. Кто желал пощады, должен был заплатить копейку. «Их называли халдейцами», одеты они были, как в масленицу, имели на головах деревянные «размалеванные шляпы» и бороды, вымазанные медом, чтобы не обгорели. «Халдеи» в это время считались язычниками и нечистыми, поэтому в Крещение их вновь крестили. Их выходки вызывали недовольство и даже приводили к пожарам, и патриарх «отменил и эту дурацкую игру, и беготню ряженых»³⁷.

Несомненно, Олеарий описывает не тех халдеев, которые участвовали в «Пещном действе». Напомним, что в этом чине действовало всего два халдея. Здесь же речь идет явно о целой группе людей.

Скорее всего, он видел скоморохов, обряженных в шутовское платье и называвшихся (может быть, зрителями, очевидцами) «халдейцами». Сам Олеарий плохо различал одежды русских³⁸. К тому же, как отмечалось, во время святочных игрищ, пародируя элементы церковной обрядности, ряженые могли специально надевать наряд, схожий с платьем пещных халдеев и выполнять их действия с огнем. Наконец, трудно поверить, что патриарх давал разрешение на такие «забавы» в то время, когда церковь активно боролась со всякими проявлениями скоморошества и преследовала отправления языческих празднеств, особенно в святочные дни. Известен целый ряд соборных постановлений, указов от имени патриархов и царей, рассылавшихся во все концы России³⁹. Власти были обеспокоены тем, что «разных чинов люди» творят в эти дни «бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми... и накладывают на себя личины и платье скоморошеское и меж себя, нарядя, бесовскую кобылку водят». (Вероятно, вождением «бесовской кобылки» пародировалось еще одно действо — «Шествие на ослиати»). Государем повелевалось скоморошеские инструменты изымать и, «изломав», сжигать; виновных, если «не отстанут», «бить батоги», а попавшихся не один раз — «ссылать в крайные города»⁴⁰.



Скоморохи. Фрагмент миниатюры. XVI в.

Таким образом, мы не находим бесспорных свидетельств участия в святочных игрищах именно пещных халдеев. Использование ряжеными (скоморохами) сходства с ними в платье и способе возжигания огня (порошок плаун-травы, металлические трубки), вероятно всего, способствовало слиянию образа тех и других в сознании жителей города, наблюдавших то пещных халдеев, сопровождавших архиерея, то святочных «халдеев», неистовствующих на улицах. Всех их одинаково «называли халдейцами». Добавим, что и те и другие различались также численно и по духовному облику. Исполнители ролей двух пещных халдеев понимали, что они соучаствуют в совершении архиерейского богослужения, а в Москве и еще в присутствии государя. Их специально обучали действиям и произнесению диалога. В ходе обряда они, обращаясь к архиерею, постоянно спрашивали его

благословения на совершение своих действий. Вряд ли эти люди могли затем низвести себя до положения язычников, которых приходилось даже вновь крестить. Все говорит о том, что пещные халдеи и ряженные «халдеи» не имеют ничего общего, кроме внешнего сходства.

Но вернемся к Чину архиерейского поставления. Что же за «халдеи» принимали участие в этом обряде?

Напомним, что источником данного утверждения стало сочинение Павла Алеппского, сообщившего, что после избрания епископа «назначают к нему *четыре человек*, одетых в красное суконное платье с широкими рукавами, на головах у них высокие шапки, а в руках палки. Их *называют халдеями*. Эти люди повсюду сопровождали избранного в течение трех дней до рукоположения и трех дней после его посвящения в архиереи⁴¹. Далее Павел осветил некоторые подробности обряда. На поставлении архиепископа Астраханского Иосифа «халдеи» в красных кафтанах и высоких красных шапках стояли вокруг амвона, а затем вместе с другими сопровождали новопоставленного, который ездил по улицам и кропил стены города⁴².

Обратим внимание на то, что по расходной книге архиепископа Ростовского Тихона за 1489 г. деньги были пожалованы также «*четырем халдеем*»⁴³.

В списках Чина поставления епископа 1423 и 1456 гг. ни «халдеев», ни других как-либо особо именующихся людей не упоминается. В основном

словения митрополита («Благодать Пресвятаго Духа да будет с тобою») поставляемый в сопровождении двух дьяконов уходил в алтарь. Далее следовали Литургия, особый обряд «усаживания» нового архиерея на его место и т.д. На другой день его снова по приказанию митрополита архидьякон и «иные дьяконы» приводили для усаживания на место среди всех остальных архиереев⁴⁴.

В отдельных своих частях развитие Чина архиерейского поставления, несомненно, продолжалось. Это касается и появления в нем новых действующих лиц. Так, в ближайшем по времени к указанным спискам XV в. описании обряда поставления митрополита Иоасафа 1539 г. предстает несколько иная картина. В день собственно посвящения, 9 февраля, изображение орла перед амвоном стерегли «*четыре огненики*, над ним с пальмами стояще и никому же не веляше на него взыти». По окончании же обряда, когда новый митрополит «восходит на осля» и едет на двор к великому князю, впереди процессии идут певчие великокняжеские и митрополичьи, а перед ними — четверо «огненников *с пальмами*», но перед ними — еще и «подвойские», которые «народ отсылают». Именно в таком порядке все указанные лица позже сопровождали митрополита на его двор, а затем — во время объезда «на осляти» «града каменного», когда митрополит благословлял «народ и весь град»⁴⁵.



Шествие на осляти. Гравюра из книги А. Олеария. XVII в.

митрополит посылал за «новонареченным» архидьякона и «иных дьяконов», которые сопровождали его в церковь, а также во время действия рукоположения. К обряду готовилась «усходница» — помост, возвышающийся на три ступени, на котором устанавливались «престол митрополич» и «княж столец». Рядом с амвоном изображали «орла единогоглава», распростершего крылья над градом. Это изображение «стерегут» (не указано, кто), чтобы «не ступити никому на нь». В ходе обряда архидьякон и дьяконы приводили «хотящего», ставили «у орла», и он зачитывал «исповедание». Затем после благо-

Обряд патриаршего времени содержит новые изменения. Если в сохранившейся внесоборной части Чина поставления патриарха Иова (январь 1589 г.) не упоминает ни «огненников», ни «халдеев»⁴⁶, то в Чине посвящения патриарха Филарета (июнь 1619 г.), содержащем как раз соборную часть обряда, говорится об участии в нем 12 «огненников». Они «стояли *по обычаю*: шесть наперед, а шесть назади» «написанного» перед амвоном изображения единогоглавого орла, «стерегуще его: да не наступит никто же»⁴⁷.

В списке Чина поставления епископа 1645 г. эти люди именуются уже «*пламенниками*» (правда один

раз встречается оговорка «огненники», появившаяся, может быть, под влиянием более ранних списков). Их действия в обряде несколько расширились. Так, уже накануне посвящения архиерея освященный собор и патриарх посылают за «нареченным» протопопом, протодьяконом «и с ними певчих дьяков и пламенников, елико какая епископская степень обдержит». Последнее уточнение проясняется из дальнейших указаний. Для посвящения в соборе сооружается «всходница», причем если поставляется патриарх, то она имеет 12 ступеней, если митрополит — 8, если архиепископ — 6, если епископ — 4 ступени. Устанавливается, что соответственно столько же и «пламенников бывает». Протопоп и протодьякон ведут «нареченного» под руки, а «пламенники же ходят перед новоименованным епископом пол ич впереди и пол их последуют по нем». Те же лица затем провожали претендента «в дом его», к «на вечерю» и на обряд посвящения. Когда «имеющий художество» нарисует перед амвоном орла, «пламенником же стоящим округ того *со жезлы* своими, не дадуше никому же вступить на нь, донде же не придет новонареченный». Далее, во внесоборной части обряда пламенники не упоминаются⁴⁸.

По Чину поставления архиерея на «вдовствующий» престол 1676 г. уже после «наречения» претендент идет «в дом свой с протопопом и с протодьяконом и с пламенники, а дьяки певчие патриархом в дом его не провожают». В действо сколько у «восходницы» бывает «степеней рукополагаемому, толико и пламенников». На другой день после поставления, «на утре», освященный собор заседает у патриарха в Крестовой палате. За новопоставленным посылаются те же лица, включая пламенников, но после роспуска собора его уже «не провожают». Вероятно, в объезде «круг градов» они также не принимали участия. Кроме того, для местных архиереев в Москве объезды вообще были отменены, «разве что во своей епархии», по прибытии в первый день⁴⁹.

Итак, в списках Чина архиерейского поставления первой половины — середины XV в. огненники не упоминаются. Возможно, эти действующие лица были введены в обряд позже. Со временем уточнялись их функции, изменялось количество, атрибуты (ветви пальмы заменили жезлы), сменилось даже официальное именование — огненников стали называть «пламенниками».

При чтении некоторых описаний практического совершения Чина создается впечатление, что современники, иногда связанные профессионально с церковными богослужением и обрядами, вообще не знали, как лица, о которых мы говорим, назывались. Так, Федор Константинов, прослуживший в певчих патриаршего хора более пятидесяти лет (начало 1620-х гг. — 1675 г.) и составлявший Чиновник в 1666—1674 гг., описал поставление патриарха Иоакима (июль 1674 г.). Он записал, что перед действием в Успенском соборе за поставляемым послали двух архиереев «с двоюнадесять человеки, оболочеными в красныя одежды суконья, с шеломами», причем архиереи ехали в каретах, «а тии *людие* пред ними шли пеши». Но «избранный и нареченный Иоаким патриарх быти им в чину не велел, и не были». В том же году, 7 августа, после избрания митро-

полита Рязанского провожали его на подворье «по обычаю» и на посвящении певчие патриаршего хора «и в красных одеждах осмь человек по-прежнему были»; 21 августа новопоставленного епископа Вятского провожали протопоп, протодьякон, патриаршие певчие «с *чиновными людьми, что в красных одеждах*»; 4 сентября на поставлении митрополита Казанского за ним послали протопопом и протодьяконом «с *чиновными людьми, что бывают на архиерейских поставлениях в красных одеждах*»⁵⁰.

Как видим, даже Федор Константинов, за время своей службы в патриаршем хоре бесчисленное множество раз певший в обрядах поставления архиереев и провожавший их вместе с огненниками, или пламенниками, точно не знал, как эти люди именовались официально. Вероятно, помимо членов освященного собора, избравших и посвящавших архиереев, мало кому было известно истинное название этих «чиновных людей». Но по внешнему сходству (красные одежды, жезлы, напоминающие металлические трубки с плаун-травой) и сходству исполняемых внехрамовых функций (сопровождение шествий архиереев) с пещными халдеями их «халдеями» и прозвали. Это прозвание настолько за ними закрепилось, что, скорее всего, сами поставляемые и их служащие (например, казначеи, составлявшие расходные книги) иначе огненников-пламенников и не именовали. Заметим, что Федор Константинов не называет их «халдеями», так как в юности сам не раз исполнял роль одного из отроков и знал, кто такие пещные халдеи и в какой период времени они действовали⁵¹.

Павел Алеппский пишет: «Мы не могли узнать, по какой причине эти люди [халдеи] ходят вместе с избранным пред его рукоположением...»⁵². Если учесть, что Павел служил архидьяконом при Антиохийском патриархе, то, значит, в аналогичном обряде Антиохийской церкви наличие огненников (пламенников) не было предусмотрено. Вряд ли подобные «чиновные люди» присутствовали и в обрядах других церквей Православного Востока. Скорее всего, упомянутая нами ссылка в рукописи русского Чина архиерейского поставления 1676 г. на то, что он записан «с древнего греческого Чина и славянского», который «обретается в древней книге» Успенского собора⁵³, — лишь дань традиции.

Появление огненников в русском обряде относится, видимо, ко второй половине XV в., ко времени, когда Русская церковь уже осознала себя свободной от Византийского патроната, когда не стало и самой Византии. Важнейшие вопросы, в том числе избрание митрополита, решались теперь собором собственных архиереев. Введение в обряд огненников, вероятно, потребовалось из-за невнятного указания в Чине, *кто* должен охранять всякий раз изображавшегося перед амвоном орла («не ступити никому на нь») до возведения на него новопоставляемого (списки 1423 и 1456 гг.).

Центральной темой во время посвящения архиерея является тема сошествия на него благодати Святого Духа. На протяжении всего обряда исполнялись соответствующие песнопения и возгласения, например, тропарь 8-го гласа: «Благословен еси Христе, иже премудры ловцы явлей, низпослав им

Духа Святаго...»; кондак: «Егда снизшед языки слия, разделяше языки Вышний, егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призва...»; благословение митрополита (патриарха): «Благодать Пресвятаго Духа да будет с тобою»; на отпусте: «Иже в видении огненных язык с небесе низпославый Пресвятаго Духа на святых своя ученики и апостолы Христос...»⁵⁴. Только на поставляемого, вступившего на изображение одноглавого орла (один из символов апостольского служения), должна была снизойти благодать Святого Духа⁵⁵. Поэтому изображение охранялось особыми стражниками. В ходе совершения обряда (возведение поставляемого на орла, чтение им собственноручно переписанного Символа Веры и проч., получение благословения) и происходило сошествие благодати Святого Духа. Согласно Евангелию, сам Дух Святой явился апостолам в виде огненных языков, или языков пламени, что и отражало содержание исполняемых в Чине песнопений. Тема Святого Духа и огня, красные, ярко выделяющиеся одежды стражников, — все это, видимо, и послужило поводом называть их «огненниками», а затем «пламенниками». Но для большинства окружающих они стали еще одними «халдеями».

Исходя из всего сказанного, уточним, какие же сведения «для истории культуры» содержит фрагмент расходной книги архиепископа Ростовского Тихона 1489 г.⁵⁶

1. В документе имеется самое раннее на сегодняшний день упоминание *певчих дьяков*. Причем, как мы определили, названы певчие дьяки обоих главных хоров средневековой России — *великокняжеского и митрополичьего*. Дьяки последнего хора исполняли в обряде поставления архиерея основную певческую роль, о чем свидетельствует и большая сумма пожалования им, а не великокняжеским певцам. Все это подтверждают и более поздние документы.

2. Памятник дает нам наиболее древнее указание на *станичную организацию* хоров, просуществовавшую до конца XVII в.

3. Упомянутые в расходной книге четверо «халдеев» не были пещными халдеями. Во-первых, в «Пещном действе» участвовало всего два халдея. Во-вторых, посвящение Тихона (Мальшкина) в сан архиепископа Ростовского, Ярославского и Белозерского проходило 15 января 1489 г.⁵⁷, то есть в день, когда ни пещные, ни святочные «халдеи» уже не действовали. Следовательно, за обиходным прозвищем «халдеи» (внесено, скорее всего, казначеем Ростовского владычного двора) в данном случае скрываются *огненники*. Документ дает наиболее раннее свидетельство их участия в Чине поставления архиереев.

4. Само употребление слова «халдеи», контекст, в котором оно употребляется, говорят о том, что в России второй половины XV в. уже хорошо знали «Пещное действо» (иначе по аналогии с какими халдеями, обряженными в красные одежды, могли прозвать огненников?). Расходная книга архиепископа Тихона документально раздвигает хронологические рамки времени существования на Руси «Пещного действа».

Таким образом, опубликованный А.В. Туриловым документальный источник является чрезвычайно важным для истории отечественной культуры. Причем сведениями по рассмотренным нами вопросам далеко не исчерпывается его информационная ценность для данной области.

Примечания

1. Турилов А. А. Книга раздачи «поминок» при хиротонии Ростовского архиепископа Тихона (1489 г.) // Древнерусское и поствизантийское искусство. Втор. пол. XV — нач. XVI в. — М. : Наука, 2005. — С. 451—452.
2. Напомним, что в это время Иван Калита, проведя грандиозное строительство системы дворцов, храмов и укреплений Московского Кремля, рассматривал Москву не только как достойную резиденцию великого князя Владимирского, но и как новую молодую столицу будущего государства. Это понимали и современники Калиты, сравнивавшие его в Константином Великим, основателем Византии. См.: Борисов Н. С. Политика московских князей. Кон. XIII — перв. пол. XIV в. — М. : МГУ, 1999. — Гл. 5 и др.
3. См.: Парфентьев Н. П. Профессиональные музыканты Российского государства XVI—XVII вв.: государевы певчие дьяки и патриаршие певчие дьяки и подьяки. — Челябинск : Книга, 1991.
4. Турилов А. А. Указ. соч. — С. 452. Нами записи воспроизводятся в современной транскрипции.
5. Там же. — С. 453.
6. См.: Парфентьев Н. П. Указ. соч. — С. 8—9 и др.
7. РИБ. — СПб., 1880. — Т. 6. — Стб. 438—564. № 52; ААЭ. — СПб., 1836. — Т. 1. — С. 467—473. № 375.
8. ААЭ. — Т. 1. — С. 299. Здесь и далее курсив наш.
9. АИ. — СПб., 1842. — Т. 4. — С. 1—8 и др. «Диаки певчие *патриаршии*» упомянуты и в Чине 1676 г. (ГИМ. Синод. № 344. Л. 11).
10. ААЭ. — Т. 1. — С. 158—160.
11. РИБ. — СПб., 1875. — Т. 2. — Стб. 316—327.
12. ДАИ. — СПб., 1846. — Т. 2. — С. 213—220.
13. ДАИ. — СПб., 1853. — Т. 5. — С. 146—148. Об авторе Чиновника см.: Парфентьев Н. П. Выдающийся деятель русской музыкальной культуры XVII в. Федор Константинов // Древнерусская певческая культура и книжность : сб. науч. тр. — Л., 1990. С. 124—139.
14. ДАИ. — Т. 5. — С. 150—151.
15. ГИМ. Синод. № 344. Л. 11, 16.
16. Там же. Л. 12об., 31об., 41, 42, 43об.
17. Для патриарших певчих пение в обряде стало источником дополнительных пожалований. Со временем установился твердый порядок, когда патриаршим певчим дьякам жаловалось сукно, которым к каждому конкретному обряду обивалось «патриаршее место» («постав» этого сукна оценивался в 16—20 руб.). См.: Парфентьев Н. П. Профессиональные музыканты... — С. 35.
18. Турилов А. А. Указ. соч. — С. 451. Автор ссылается на: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. — Л., 1984. — С. 160—161. Примеч. 26.
19. См.: ААЭ. — Т. 1. — С. 158—160.
20. См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. — С. 158—161 и далее.
21. Напр., см.: Стенникова П. А. Церковно-театрализованное действо в России XVI—XVII вв. (на примере «Пещного действа» и «Шествия на осляти» в Вербное воскресенье) : дис. ... канд. ист. наук. — Челябинск, 2006. В работе приведены основные источники и научные труды.
22. См.: Никольский К. О службах Русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. — СПб., 1885. — С. 170—171.
23. Подр. о днях совершения действия см. там же. — С. 159.
24. Рукописная «Книга демественник, сиречь четверогласное пение», составленная в середине XVII в.

патриаршими певчими, содержит песнопения Чина, предваряемые заголовком: «В неделю пред Рождеством Христовым, Святых праотцев, на утрени, по шестой песни [канона] совершение Пещного действия в похвалу святых трех отроков» (РГБ. Ф. 37. № 364. Л. 325).

25. Куприянов И. К. Отрывки из расходных книг Софийского дома за 1548 г. // Известия имп. Археологического общества. — СПб., 1861. — Т. 3. — Вып. 2. — С. 34, 36.

26. См.: Красносельцев Н. О Пещном действе. Замечания и поправки к статье М. Савинова // Русский филологический вестник. — Варшава, 1891. — Т. 26. — С. 120.

27. См.: Дмитриевский А. Чин Пещного действия // Византийский временник. — СПб., 1894. — Т. 1. — С. 593, 596—597.

28. См.: Голубинский Е. История русской церкви. — М., 1881. — Т. 1. — С. 781. В качестве косвенного доказательства он приводил факт упоминания в Ипатьевской летописи под 1146 г. звенигородского воеводы Ивана Халдеевича (ПСРЛ — М., 1912. — Т. 2. — Стб. 320).

29. Роль отроков в московском Успенском соборе чаще всего играли молодые певчие патриаршего хора — подьяки. За участие в действе они получали особые пожалования деньгами (в том числе «на сапоги») и сукном. Подготовкой певцов к исполнению роли отроков занимался опытный певчий дьяк («учитель отроческой»). См.: Парфентьев Н. П. Профессиональные музыканты... — С. 31—32; Парфентьев Н. П. Выдающийся деятель... Федор Константинов. — С. 124—125.

30. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы / сост. В. И. и Г. И. Холмогоровы; под ред. И. Е. Забелина. — М., 1884. — Ч. 1. — Стб. 55, 56, 57, 58.

31. Там же. — Стб. 54, 57, 59. См. также: Чиновник Новгородского Софийского собора — М.: Изд. А. Голубцов, 1899. — С. 59, 64; Никольский К. О службах Русской церкви... — С. 186.

32. Никольский К. Указ. соч. — С. 176; Чиновник Новгородского Софийского собора. — С. 66. По мнению А. Дмитриевского, диалоги были включены в русский чин под влиянием мистерий, пришедши через польскую литературу в конце XVI — начале XVII в. См.: Дмитриевский А. Указ. соч. — С. 591.

33. См.: Чиновник Новгородского Софийского собора. — С. 68—81.

34. См.: Никольский К. Указ. соч. — С. 187.

35. Флетчер Джильс. О государстве Русском. — СПб.: Изд. Н. В. Голицына, 1911. — С. 164.

36. Заметим, что в источнике этот факт указан как единичный, но Н. В. Поньрко возводит его в некую традицию: «Забавляясь, «халдеи» поджигали попавшие им навстречу возы сена». Оказывается для святочных ряженных-язычников «сено, солома являются образом греховного, ветхого, земного» (См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. — С. 163). Трудно поверить в то, что русские «мужики» мирлись с уничтожением сена целыми возами.

37. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / публ. и перев. А. М. Ловягина. — СПб., 1906. — С. 301—303.

38. Напр., описывая обряд «Шествия на осляти» в Вербное воскресенье, он всех идущих за движущейся на телеге вербой называет «попами в белых ризах», которые «пели в один голос». Позади патриарха, восседающего «на осляти», ведомом за узды самим царем, также следовали иерархи и опять «попы» (Олеарий Адам. Указ. соч. — С. 53—54 и др.). Конечно священники участвовали в процессии, но русские источники свидетельствуют, что перед патриархом и за ним, как правило, шли с пением певцы патриаршего хора (см.: Парфентьев Н. П. Профессиональные музыканты... — С. 30—31).

39. Напр.: АИ. — СПб., 1841. — Т. 3. — № 92. Указ патриарха Филарета, 1627 г.; ААЭ. СПб., 1836. — Т. 3. — № 264. Грамота патриарха Иоасафа, 1636 г.

40. АИ. — СПб., 1842. — Т. 4. — № 35. Память от тобольского воеводы в Верхотурский уезд о выполнении царского Указа, 1649 г. Отметим, что и Н. В. Поньрко приводит ряд подобных указов. Однако, доказывая связь «официальной культуры» и «святочных игрищ», автор их фактически игнорирует. Зато, пожалуй, из единственного свидетельства Иоанна Неронова, в молодости видевшего в Вологде ряженных, выходящих из архиерейского двора, делается вывод: «архиерейский дом — прибежище святочных игрищ» (Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. — С. 157). На наш взгляд, этот факт говорит лишь о том, что либо ряженные пытались получить праздничное пожалование даже на архиерейском дворе, либо на этом дворе находились на службе «выходцы из народа» (что не было редкостью), не утратившие еще привычки к «святочным игрищам».

41. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архиереем Павлом Алеппским. — М., 1896. — Кн. 10. — С. 18—19.

42. Там же. — Кн. 12. — С. 172—173.

43. Турилов А. А. Указ. соч. — С. 452.

44. РИБ. — Т. 6. — Стб. 450—564; ААЭ. — Т. 1. — С. 467—473.

45. ААЭ. — Т. 1. — С. 158—160.

46. РИБ. — Т. 2. — Стб. 314—327.

47. ДАИ. — Т. 2. — С. 216—217.

48. АИ. — Т. 4. — С. 1—14.

49. ГИМ. Синод. № 344. Л. 11, 15об., 16об., 43об.—44об.

50. ДАИ. — Т. 5. — С. 146, 150, 151, 154.

51. Парфентьев Н. П. Выдающийся деятель... Федор Константинов. — С. 124—125.

52. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию... — Кн. 10. — С. 18.

53. ГИМ. Синод. № 344. Л. 44об.

54. ГИМ. Синод. № 344. Л. 5—6.

55. В дальнейшей своей деятельности архиерей проводил службу Литургии, стоя на «орлеце» — круглом ковре, на котором по бархату был вышит орел. См.: Виктор А. Описание патриаршей ризницы 1631 г. — М., 1875. — С. 91—92.

56. См. также: Турилов А. А. Указ. соч. — С. 451—452.

57. См.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. — СПб., 1877. — Стб. 332.

Поступила в редакцию 12 февраля 2012 г.

ПАРФЕНТЬЕВ Николай Павлович, заведующий кафедрой искусствоведения и культурологии, Южно-Уральский государственный университет, доктор исторических наук, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Автор более 90 научных трудов, в том числе 6 монографий, в области истории духовной культуры России и древнерусского искусства. E-mail: panp@susu.ac.ru

PARFENTIEV Nikolai Pavlovich is a head of the Department of Art Criticism and Cultural Studies of South Ural State University, a Doctor of Historical Science, a Doctor of Art Criticism, a professor, an Honoured worker of science of the Russian Federation. He is the author of more than 90 scientific publications including 6 monographs in the field of history of ecclesiastical culture of Russia and the Old Russian art. E-mail: panp@susu.ac.ru